

Все три последующих года Шитоу безвыездно прожил под Озером Малого Зеркала, в обители Бессмертного владыки Улин.

Озеро это лежало на стыке миров: его воды связывали небесные чертоги с юдолью смертных. Сама же резиденция Янь Чичэна не поражала роскошью. На фоне легендарного великолепия горного мира с его «десятиверстными залами для пиров и стосаженными облачными террасами» это жилище казалось скромным и уединенным — скорее не дворцом, а просторным изящным домиком у самой воды.

Янь Чичэн дал Шитоу настоящее имя — Се Цюши.

Но тот подарок не оценил. Он без конца придирался, допытываясь: почему именно Се? С чего вдруг Цю? Какие именно иероглифы выбраны?

— Сплошное увядание, осень да камни! — ворчал он. — Терпеть не могу! Придумай другое. Хочу зваться Ван Чуньхуа, Весенним Цветком!

Янь Чичэн его жалобы пропускал мимо ушей. Всякий раз он невозмутимо и отчетливо выговаривал полное имя: «Се Цюши». Впрочем, кроме самого Бессмертного владыки Улин, его так никто не называл. Слуги величали гостя молодым господином Се, а сам он, выбираясь наружу, по-прежнему представлялся просто Шитоу.

— Ну ты же любишь меня, Янь Чичэн? Бессмертный ты мой Янь! — Шитоу взобрался на скамеечку перед письменным столом и оказался на полкорпуса выше сидевшего хозяина дома. Он навалился на его плечи всей грудью и принялся бесцеремонно дергать за отвороты белоснежного одеяния. — Зови меня как-нибудь ласково! Шитоу, камнем моим драгоценным, крошкой-камешком... Да как угодно!

Повязка скрывала глаза, мешая видеть пристальный взор Янь Чичэна, и это придавало Шитоу небывалой смелости. В ход пошли все ухватки уличного пройдохи, набравшегося наглости испытать на прочность долготерпение великого заклинателя.

Но Янь Чичэн оставался безмятежен, словно застывшая гладь пруда. Он никак не реагировал на проказы за спиной — Шитоу прыгал, шумел, вис на нем и терся о плечо, превратив аккуратную прическу бессмертного в воронье гнездо. Кисть в руке Янь Чичэна двигалась все так же твердо, выводя безупречные, резкие штрихи.

— Что ты там пишешь? — любопытствовал Шитоу и потянулся потрогать бумагу. Сам он едва знал пару иероглифов, так что прочесть ничего не мог, зато мгновенно испачкал пальцы в туши и оставил на рукаве Янь Чичэна цепочку грязных следов, похожих на птичьи лапки.

— Се Цюши, — ответил тот.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — Шитоу торопливо вытер ладони о подол. — Нагнал же тоски!

Янь Чичэн изогнул бровь, мягко перехватил его за запястье и вложил кисть в пальцы:

— Я научу тебя.

— А можно не надо? — Шитоу состроил кислую мину и попытался высвободить руку. — И вообще, ты бы лучше молчал. От твоего голоса у меня до сих пор поджимаются пятки.

Янь Чичэн послушно умолк. Он лишь уверенно держал ладонь юноши, направляя его руку и заставляя выводить широкие, размашистые черты трех больших иероглифов.

— Вот выучу их и больше ни разу не напишу, идет? — вздохнул Шитоу.

В ответ Янь Чичэн слегка согнул палец и легонько пощекотал его ладонь.

От щекотки Шитоу передернул плечами. Поняв, что уговор принят, он высвободил руку и, припоминая недавние движения, зажмурился. Одним плавным, размашистым росчерком он вывел на чистом краю бумаги те же три иероглифа.

— Ну как? — спросил он с затаенной гордостью.

Бессмертный промолчал. Иероглифы на бумаге вышли удивительно изящными, тонкими и легкими, напоминая заиндевевшие ветви дикой сливы.

— Мог бы и похвалить вслух, — проворчал под нос Шитоу.

— Почерк открывает душу, — тихо отозвался Янь Чичэн. — Словно редчайший нефрит.

Он произнес это так буднично, словно говорил о погоде за окном. У Шитоу, чья кожа на лице обычно была толще крепостной стены, вдруг вспыхнули уши. Не выдержав, он сдернул повязку, чтобы взглянуть на лицо бессмертного. Заклинатель сидел, полуопустив ресницы. Его темные глаза, холодные и глубокие, таили в себе странную, затаенную силу — будто невидимая клетка, готовая в любой миг захлопнуться и удержать Шитоу подле себя навсегда.

— Знаешь... лучше не хвали. Мне все еще не по себе, — Шитоу растерянно затеребил шелковую ленту в руках. — Может, мне извиниться?

Прохладные ладони легли ему на лицо, мягко лишая зрения. Янь Чичэн наклонился к самому его уху. Теплое дыхание коснулось раковины, когда он едва слышно прошептал:

— Не нужно.

Порой Шитоу казался себе хрупкой диковинкой, которую Янь Чичэн бережно прятал в лакированную шкатулку — подальше от ветра и дождя. Хозяин драгоценности время от времени доставал ее, протирал мягким шелком, любовался, но почти не касался пальцами, будто боялся неосторожным движением оставить трещину. Между ними всегда оставалась тонкая преграда, не позволявшая подойти ближе.

Когда Янь Чичэн хотел что-то сказать, он записывал слова на бумаге и передавал через Шуй-нян. Если же Шитоу желал узнать, как выглядит его покровитель в ту или иную минуту, он тоже просил служанку описать его. Из-за этого певучий голосок Шуй-нян с ее нежным южным говором раздавался в комнатах с утра до вечера.

Когда устных описаний не хватало, Шитоу не выдерживал, протягивал руки и ощупывал лицо бессмертного вслепую, покрикивая при этом:

— Янь Чичэн, замри! Не меняй лица! Слышишь? Не двигайся! Шуй-нян, он пошевелился? Смотри за ним хорошенько!

Служанка мялась под ледяным взглядом хозяина и испуганно шептала:

— Да нет же, господин Се, господин не шевелится. И... и он улыбается.

— Да ну? В самом деле? — Шитоу с довольным смешком пробежал пальцами по безупречным скулам Янь Чичэна, продолжая капризничать. — И какая же это улыбка? Одно название! Янь Чичэн, ну улыбнись по-настоящему!

В ответ раздался тихий вздох. Уголки губ бессмертного едва заметно дрогнули, и он тихо фыркнул. Этот мимолетный смешок прозвучал так коротко и мягко, словно случайный весенний пух, задевший щеку.

Шитоу застыл на месте.

— Тебе не обидно жить вот так? — внезапно спросил он. — Мы вроде бы рядом, но в то же время между нами целая пропасть. Кажется, тебе приходится тяжелее всего.

Кончик кисти на мгновение замер над бумагой, а затем вновь зашуршал по шероховатому листу.

— Хозяин говорит, что молодому господину Се приходится куда тяжелее, — поспешила перевести Шуй-нян.

— Ну еще бы! Страдаю-то здесь только я, да и в драке шею свернут тоже мне, — Шитоу картинно надулся и принялся настойчиво трясти Янь Чичэна за широкий рукав. — Бессмертный владыка Янь, ну обучи меня какому-нибудь заклинанию! Вот стану сильным, как ты, и перестану дрожать от страха!

— Нельзя, — внезапно вслух произнес Янь Чичэн.

Воздух в комнате словно мгновенно затвердел. Шитоу по привычке испуганно зажал уши руками и лишь спустя несколько ударов сердца осознал смысл услышанного. Его недавнее веселье как ветром сдуло.

— Скрыга! — процедил он сквозь зубы. — Просто боишься, что я научусь летать и сбегу отсюда!

Янь Чичэн молча покачал головой и отложил кисть на подставку.

— Вовсе нет, молодой господин Се! — замахала руками Шуй-нян. — Вы несправедливы к хозяину!

— А ты помолчи, пусть он сам ответит, — Шитоу ткнул пальцем в сторону безмолвного заклинателя. — Ну? Ведь так?

Служанка робко притихла. Янь Чичэн не проронил ни слова и даже не потянулся к бумаге, чтобы написать ответ.

Шитоу ощутил, как внутри закипает глухая злость. Он сердито схватил со стола испачканную тушью кисть, намереваясь разрисовать безупречное лицо этого упряма, но в последний момент рука дрогнула.

— Не злись, — негромко произнес бессмертный.

Он принялся одну за другой обмакивать кисти в чернильницу и послушно протягивать их Шитоу, словно говоря: «Делай что хочешь, только не сердись».

Зажав в кулаке целую охапку кистей, Шитоу почувствовал, будто ударил по мягкой подушке. Пачкать Янь Чичэна теперь казалось глупым — выходило, что он идет на поводу у чужой уступчивости.

Тогда он зло выдохнул и резко провел кистями по собственному лицу, оставив на обеих щеках по четыре черные полосы.

— К черту все, пойду играть с дикими кошками в горах! — он свирепо зашипел, подражая кошачьему рычанию. — И не смей реветь и звать меня обратно, Янь Чичэн!

<http://bllate.org/book/18360/1798420>